

«ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ»: РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ В СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

А. В. Дахин

Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС (НИУ РАНХиГС)
Российская Федерация, 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 46

Индустиализация власти рассматривается как глобальная тенденция, в качестве элементов которой отмечаются «документализация» и «говернментализация». Российский политический транзит — как процесс внедрения индустриальных, социальных и иных технологий в деятельность политической системы государства. С опорой на идеи Л. Мамфорда (L. Mumford) политическая система трактуется как индустриальная «мегамашина», генерирующая потоки дисциплинирующих порядков, охватывающих все формы действия власти и взаимодействия государства и гражданского общества в России. Анализ практик индустриализации российской власти позволяет критически проанализировать существующие подходы и выделить сферу публичной политики, где внедряются три социальные технологии государственно-гражданского взаимодействия в политике. Это технологии представительной, совещательной и партисипаторной демократии. Каждая технология привносит в поле государственно-гражданского политического взаимодействия свои специфические алгоритмы политического процесса, свои политические институты, формирует особенные публичные компетенции гражданского субъекта политики. В свете этого подхода процесс демократического транзита в России рассматривается как практика последовательного внедрения в российскую политическую жизнь сначала технологии представительной демократии (1990-е гг.), затем технологии совещательной демократии (около 2012 г.) и, наконец, технологии партисипаторной демократии (с 2018 г.). Отмечаются проблемные стороны такого внедрения, в частности риски возникновения нежелательных конкурентных отношений между технологиями социально-политического взаимодействия институтов государства и граждан; подчеркивается необходимость гармонизации разных социально-технологических сегментов в едином поле публичной политики России. Показано, что практики внедрения киберинформационных технологий в сферу государственного администрирования индустриализируют скорости, объемы, структуру сбора информационных данных. Одновременно выявляются проблема отставания процессов синхронизации трудовых операций ординарного чиновника с режимами работы киберинформационных систем, проблема разрыва между уровнем индустриализации верховных / столичных и низовых / провинциальных уровней власти. Отмечается также, что индустриализация документооборота в сфере оказания государственных и муниципальных услуг позволяет выделять новый становящийся сектор российской политики — политику государственного и муниципального обслуживания, развитие которой ведет к формированию новой публичной организации на рынке местных услуг.

Ключевые слова: Россия, индустриализация государственной власти, мегамашина, технологии публичной политики, технологии государственного администрирования, технологии производства государственных и муниципальных услуг.

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ: ТОЧКА «Б» В ЗОНЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Российскому политическому транзиту уже больше четверти века, но архитектура политических институтов, социально-политических структур и циклов пока окончательно не сложилась. К 2019 г. переход от «советской» системы (точка «А») к «российской» (точка «Б») не завершен, базовые элементы политической системы суверенной России не устоялись, а те, что действуют с начала 2000-х гг., лишь с долей вероятности способны устойчиво функционировать в перспективе, уходящей за горизонт пятидесяти лет. В частности, не сложился устойчивый президентский политический цикл, поскольку ясного, публично декларированного перехода от модели посмертной смены высшего должностного лица (что имело место в СССР) к модели ротационной не произошло (Дахин, 2012). В 2000, 2008, 2012 гг. были реализованы эпизоды использования ротационных механизмов смены первого лица государства, но институционально устоявшейся системы до сих пор нет. Временной шаг, строение схемы ротации фигур на позиции президента политически не заявлены, теоретически не описаны. Не устоялись региональные губернаторские политические циклы, о чем свидетельствует массовая их деформация в 2017–2018 гг.: досрочные самоотставки губернаторов в этот период достаточно выразительно говорят о том, что пятилетний губернаторский политический цикл институционально неустойчив, деформируется под влиянием непубличных централизованных политических сил. Кроме того, система наделения полномочиями главы субъекта Федерации «застыла» на переходе от механизма «назначения» (он продолжает действовать в девяти субъектах Федерации) к механизму прямых выборов. Наконец, не сложилось и устойчивой системы муниципального самоуправления: меняются «двуглавые» и «одноглавые» модели, пропорциональные и смешанные конструкции выборов, прямые выборы и иные технологии наделения полномочиями глав муниципалитетов. Политические партии демонстрируют признаки внутренних конфликтов, «фейковой» и теневой финансовой активности на выборах (Дахин, Семенов, Стрелков, 2017), которые свидетельствуют о предкризисном состоянии системы представительной демократии в России. Общую картину базовых структурных неопределенностей дополняет рубеж смены возрастных генераций топ-фигур действующей неономенклатурной политической структуры (Дахин, 2009). На уровнях муниципального и регионального политического управления на административных должностях среднего звена исполнительной власти процесс смены возрастных генераций уже начался.

Концептуально-теоретические разработки этой проблематики обычно либо воспроизводят западные подходы — «транзитологию», «гибридность» (Рогов, 2012) и т. п., либо критически высвечивают события российской политической реальности, ее противоречия и конфликты (Ковалев, 2015, с. 158–159) и т. п. Целостного концептуального восприятия, улавливающего «генетику» российского транзита и соотносящего ее с глобальными «генетическими» процессами, явно не хватает.

Запрос на обновление концептуальных ресурсов исследования политической жизни подогревает еще и то, что события 2014–2019 гг. достаточно часто оцениваются аналитиками как рубеж глубинных перемен и в отечественном обществе, и в политическом мире в целом (Сморгунов, 2015; Кочетков, 2015). Видимо, поэтому власти вслух рассуждают о вековой продолжительности «государства Путина» (Сурков, http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html). А исследователи Российской ассоциации политической науки (РАПН) отмечают, что «современная политическая наука должна быть одновременно философской, сравнительной и практико-ориентированной» (Сморгунов, 2015, с. 8), или стремятся «протереть глаза» и с фантастическим размахом всмотреться в наше будущее (Ковалев, 2014).

ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Наш интерес вызывают различные подходы к определению места политической современности на общей шкале социально-политического времени человечества — подходы, которые замечают и учитывают роль процессов индустриализации (Дахин, 2017а; 2017б). Наиболее известна марксистская теория, в которой идея о существовании единой шкалы и универсальных ступеней человеческой истории была представлена в виде пяти общественно-экономических формаций: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической. В ее содержание были «вшиты» концепции промышленной революции и индустриального развития: совершенствование политического устройства предопределяется уровнем индустриального развития общества (Ленин, 1986). Опыт СССР, где теория марксизма была положена в основу практик социально-политического конструирования, показал, что теория формаций в политической своей части не работает. Тем не менее фрагменты этой системы активно используются теоретиками для определения актуального состояния политической и государственной системы России. Так, достаточно популярными являются термины «феодализм» и «неофеодализм» (Шляпентох, 2008; Мазур, 2009), «капитализм» или «государственный капитализм» (Туровский, 2015; Зарубежнов, 2014). При этом связь терминов формационного подхода с состоянием процессов индустриализации утрачена. Как правило, эти исследовательские практики используют авторитетность и символическую энергетику терминов формационной системы Маркса для упаковки актуальных эмпирических данных, имеющих некоторое внешнее сходство с органическим строением отдельных общественно-экономических формаций, описанных классиком.

Другая система ступеней развития общества была предложена сторонниками цивилизационного подхода. С. Хантингтон (Samuel P. Huntington) на примере общества западного полушария (и с позиций интересанта западной цивилизации) рисует трехфазную историческую схему, где из состояния «культур неолитического века» (1) формируется мир цивилизаций (2) (Хантингтон, 2016, с. 61), который теперь (3) стоит на распутье, так что для перехода в будущее он должен выбрать стратегию либо универсализации, либо мирного сосущество-

вания разных цивилизаций при сохранении в каждой из них своей уникальности (применительно к Западу автор считает ее предпочтительной), либо войны цивилизаций (выбор, которой Хантингтон оценивает как маловероятный) (Хантингтон, 2016, с. 508–511).

Ф. Фукуяма (Francis Fukuyama), автор концепции «конца истории», работа в цивилизационной логике, делает акцент на «универсальном признании человеческого достоинства» (Фукуяма, 2003, с. 380). Мысля о грядущей постиндустриальной эре, он стремится убедить читателя, что либеральная демократия как форма государственного политического устройства является конечным результатом внедрения идеи светского государства Т. Гоббса (Thomas Hobbes) и Дж. Локка (John Locke) (Фукуяма, 2003, с. 325) и финальной точкой политического развития: «Логика либерального и демократического политического порядка становится более настоятельной, по мере того как общества экономически развиваются, так как согласование всех разнообразных интересов, которые существуют в нем, требует одновременно и участия, и равенства» (Фукуяма, 2003, с. 381). Отметим также и то, что «демократия» Фукуямы мыслится и базируется на индустриальной / постиндустриальной генерации социального порядка. Источников социального порядка называется четыре: один изучает политология (это, в частности, социальная инженерия, конституционализм, федеральные законы и т. п.), второй — социология (это, в частности, «богооткровенная религия»), третий — экономическая наука (рынки, обычаи хозяйствования и пр.), четвертый — антропология и биология (народные религии, табу, «нормы, основанные на биологии», и пр.) (Фукуяма, 2003, с. 208–210). В свете этого подхода политическое устройство (объект политологии) включает в себя сферу «социальной инженерии», которая концептуально соединяет тематику инженерно-технологического прогресса с тематикой политического развития. Более детально мысль Фукуямы сводится к тому, что старые «централизованные демократии» будут переходить на платформу сетевой социальной организации (Фукуяма, 2003, с. 267–270), которая развивается через наполнение ее информационными технологиями: «...сети являются, возможно, более важными для индустрии информационных технологий, чем других видов производства» (Фукуяма, 2003, с. 287).

На примере Э. Тоффлера (Alvin Toffler) отметим фокусированную концептуальную проработку тематики власти в постиндустриальном / информационном обществе. В работе «Третья волна» Тоффлер предлагает видеть три ступени исторического развития общества: эпоху сельскохозяйственной революции, индустриальную эпоху, постиндустриальную эпоху, или информационное общество (Тоффлер, 2002, с. 32–33). Состояние всей социальной, экономической и политической архитектуры общества эта концепция объясняет одной только научно-технической модернизацией систем информационных коммуникаций, предлагает мыслить общество и его политическую жизнь в свете инженерно-технического детерминизма, на фоне которого собственные организующие силы культуры, экономики, политики и человеческой личности берутся «в скобки», рассматриваются в качестве зависимых факторов.

Конечно, доля организующего влияния на общество со стороны культуры, инженерно-технической активности, экономики и политики в разные исторические эпохи была различной. Общество античной Греции, где вклад культурной традиции в структуру социальной организации доминировал над вкладом экономики и политики (Андреев, 2004), отличается от социума современной Греции, где культура уступила свою организующую миссию экономике, политике и инженерно-технологическим регламентам. Организующая роль инженерно-технических систем действительно активно возрастает: появление и массовое использование новой технологии или технического агрегата достаточно быстро «подчиняет» поведение пользователей «инструкции по применению». Теория информационного общества задает, таким образом, методологический подход, в свете которого на передний план выходит изучение технико-технологической индустриализации, постиндустриальной модернизации и ее влияния на социум. Модельное видение влияния на политическую сферу у Тоффлера сводится к тезису, что главным ресурсом власти становятся знание и информация: «Знание — самый демократичный источник власти», а «грядущая борьба за доминирование будет все больше превращаться в сражение за распределение и доступ к знаниям» (Тоффлер, 2003, с. 42, 43).

Учет фактора индустриального развития общества в обиходе методологического инструментария современной политической науки позволяет видеть дистанцию между внешне похожими политическими устройствами (будь то «диктатуры» или «демократии») государств далеких исторических времен и современных государств. Так, древнюю афинскую демократию невозможно прямолинейно отождествлять с демократией современной Греции, лингвистическое «сходство» двух разных политических явлений создает обманчивое впечатление их сущностного сходства. Принимая во внимание индустриальное развитие, возможно установить адекватную дистанцию: укорененная в технологиях ручного кустарно-ремесленного и рабского труда афинская «демократия» существенно отличается от современной эпохи светских демократий, базирующихся на индустриальных технологиях работы с человеческими массами (Паскуино, 2013, с. 199).

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ УТОЧНЕНИЯ

Корректное сближение индустриального фактора с контуром политической науки получается при критической доработке ряда приведенных выше концептов. Во-первых, следует уточнить список фундаментальных источников социального порядка, предложенный Ф. Фукуямой. Более точным представляется выделение **пяти источников**, способных генерировать упорядоченность социальных взаимодействий, одним из оснований типологизации которых являются различные формы социальной памяти, на работу которой они опираются. К источникам порядка относим **культуру** (опирается на форму социальной памяти, носителем которой являются живые сообщества людей), **экономику** (опирается на форму социальной памяти, носителем которой являются деньги), **инженерию** (опирается на форму социальной памяти, носителем которой являются

технические/кибернетические устройства), **политику** (опирается на форму социальной памяти, носителем которой является организационная память политических институтов), **личность** (опирается на индивидуализированную форму социальной памяти, носителем которой является личность). Память выделена здесь в качестве основания типологии потому, что именно ее присутствие и ее работа обеспечивают генерируемым структурам социального порядка устойчивость, непрерывность во времени и в этом смысле фундаментальность.

Далее, как уже говорилось, в разные исторические эпохи вклад, доля этих отдельных источников социальной упорядоченности в общем социальном строе и ритме общества меняются. В XXI в. наблюдается тенденция радикального доминирования инженерии и киберинформационных систем над остальными четырьмя антропными источниками социального порядка. Доминирование просматривается вплоть до разрушения человеческой природы (Кутырев, 2012). Эту особенность принято акцентировать с помощью понятий «постиндустриальное» или «информационное» общество. При ближайшем рассмотрении, однако, нельзя не заметить, что речь идет о массовом и унифицированном производстве, стремящемся удовлетворить / сформировать массовый же и унифицированный спрос. Конкретный объект этого массового производства изменился: вчера это были автомобили и стиральные машины, а теперь к ним прибавились информация и средства работы с ней. Действительно, кластер производства информации, ее носителей, передающих и принимающих устройств и пр. быстро растет, но в основе лежит все тот же индустриальный алгоритм: массовое и унифицированное производство товара, стремящегося удовлетворить / сформировать массовый же и унифицированный спрос на этот товар. Поэтому, чтобы опереться на более прочную концептуальную основу, а также чтобы избежать утопических предрассудков апологетов теории «информационного общества», для определения современного качества социальной инженерии предполагается достаточным использование понятия «индустриальный». Индустриальное качество технико-технологического строя современного общества включает наращивание объемов, ассортимента, скорости производства, потребления, утилизации/ хранения всего, что становится предметом массового спроса, в том числе информации. В этой дефиниции, как представляется, соотношение «технологий» и «политики», «информации» и «власти» может быть значительно более корректным, прежде всего потому, что наряду с другими субстанциями реальности, попадающими под индустриальную переработку (природа, люди, информация, энергия), объектом массового спроса становится также и власть.

Власть современных государств втянута в индустриальную переработку почти так же, как в нее давным-давно попали полезные ископаемые, почва, леса, мусорные кучи, а теперь еще и люди. Слово «почти» призвано привлечь внимание читающего, потому что, в отличие от приведенных наглядных примеров, с властью дело обстоит иначе: в действительности инженерия втягивается вовнутрь власти, поглощается ею, «прорастает» в ее телесной структуре, становясь индустрией-властью. В этом, как представляется, состоит сущность процесса индустриализации власти и политики.

ПОНЯТИЕ «ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ»

Применительно к производственно-экономическим процессам понятие «индустриализация» используется в том случае, когда эти процессы переходят к массовому производству унифицированных конечных продуктов / услуг, отвечающих массовому спросу, и опираются на механизированные, автоматизированные, а теперь и роботизированные технологии. Концептуальную связь «машины» и «власти» сформулировал Л. Мамфорд (Lewis Mumford) с помощью понятия «мегамашина» (Мамфорд, 2001). Он писал о древности машины-власти, поскольку «первая мегамашина была построена в период, когда для изготовления орудий производства и оружия начала использоваться бронза» (Мэмфорд, 1991, с. 85). «Собрать воедино рабочую силу и дисциплинировать организацию, позволившую выполнять работы в масштабах, дотоле невиданных, — таково было уникальное деяние царской власти. Благодаря такому изобретению тять тысяч лет назад были решены грандиозные инженерные задачи, соперничающие с лучшими современными достижениями в массовом производстве, стандартизации и детальнейшим проектированием» (Мэмфорд, 1991, с. 84). «Стандартная модель мегамашины» передавалась от одной политической эпохи к другой через армию (Мэмфорд, 1991, с. 88). Чтобы заставить мегамашину работать, писал он, «необходимы были два средства: надежная организация знаний, естественных и сверхъестественных, и развитая система отдачи, исполнения и проверки исполнения приказов. Первое воплощалось в жречестве... второе — в бюрократии» (Мэмфорд, 1991, с. 92). Отсылки к источникам времен фараона Пепи I (VI династия), датированным примерно 2375 г. до н. э., позволяют доказать, что бюрократия обладала высоким уровнем разделения труда для эффективного выполнения конечных механических операций (Мэмфорд, 1991, с. 93–94). И, конечно, Мамфорд пунктирно намечал тему различий между «древней человеческой машиной» и современной (Мэмфорд, 1991, с. 89).

Опираясь на работу Л. Мамфорда, можно заключить, что а) индустриальность была «вложена» в систему власти начиная с древнейших государств, возникших на рубеже эпохи цивилизаций; б) мегамашина-власть приспособлена к дисциплинарной обработке значительных масс людей, накоплению и обработке специальных знаний / информации, систематизированной бюрократической организации трудовых операций отдачи, исполнения и проверки исполнения приказов. Беглое тестирование этого концепта на нашей модели политических эпох (Дахин, 2017а) позволяет наметить методологию исследования процессов индустриализации власти в формате глобальной политической истории. В эпоху мифо-династических древнейших государств Междуречья, Индии, Китая строительным материалом мегамашины-власти было практически все население древнего государства, высшую ценность имели сакральные знания, бюрократия работала с опорой на силу физического принуждения, но источник власти был привязан к узкой когорте кровнородственных династий. В эпоху религиозно-династических государств происходит своеобразная частичная эмансипация населения, которое становится более самостоятельным, сакральное знание приобретает форму религиозного,

бюрократия сжимается до размеров дворцовой челяди и аристократии, но при этом наблюдается скачок в развитии внутреннего разделения труда (специализация в направлении исполнительной, законодательной, судебной ветвей власти) и профессионализации бюрократии. Однако онтологический источник власти по-прежнему привязан к узкой когорте кровнородственных династий. В эпоху светских тоталитарных государств (это уже первая половина XX в.) в новую фабрично-политическую реальность вновь попадают все граждане государства, главным знанием становится возведенная в ранг государственной та или иная политическая идеология, государственная бюрократия пронизывает всю социальную телесность общества, стремясь осуществлять тотальный централизованный контроль, а на место закона династического наследования высшей власти приходит закон ее силовой узурпации «случайным» представителем общества — тем, кто по воле обстоятельств оказался «у шарниров» власти ближе других. Наконец, в современную эпоху светских демократических государств индустриализация власти достигает своих высот. Современные мегамшины демократий упорядочивают и дисциплинируют в различных регистрах генерации власти большие массы людей как внутри страны, так и за ее пределами. Они собирают и обрабатывают мегаинформационные базы знаний и информации, где на место сакрально-религиозных опций пришли опции знаний секретных служб, а современная бюрократия использует наряду с человеческими ресурсами также и кибернетические устройства и механизмы. Эти машины производят политические и управленческие решения, информационные потоки в объемах, которые ранее были неведомы и невиданны, они создают невиданные доселе рынки государственных услуг как во внутренней, так и во внешней политике.

В заключение этой краткой экспликации глобального процесса индустриализации власти точно обратим внимание на тенденцию документализации (*documentality*), современная волна которой становится одним из вызовов индустриализации системы власти в России. Документ — неотъемлемый компонент бюрократической техники, он является структурным элементом организационной памяти власти (Дахин, 2008). Количество нормативных актов, запечатленных в камне или в виде рукописных «свитков» самых ранних политических эпох, было существенно меньше, чем количество документов и законов эпохи религиозно-династических государств, оснастившихся печатным станком, или светских тоталитарных государств, внедривших печатные машинки. Наконец, в современную эпоху демократических государств, с переходом на «цифру», количество нормативно-правовой продукции институтов власти вновь возрастает многократно. То, что когда-то требовало каллиграфического почерка, затем печатной машинки, теперь может быть написано в формате Word с помощью речевого помощника или генерирующей документы программной оболочки и отправлено адресату по электронной почте. Административно-политические машины открывают новые и новые бюрократические опции, внедряют новые бюрократические производственные операции: пользовательская регистрация, идентификация (по учетной записи), поиск файла, использование электронной подписи, открывание / закрывание доступа, открывание / закры-

вание файла, копирование текста / фрагмента текста / файла, и пр., — которые задают определенную скорость и строгий порядок их осуществления.

Философию современной документализации представил в своем докладе на 24-м Всемирном философском конгрессе (Пекин, 13–20 августа 2018 г.) профессор Феррарис Маурицио (Ferraris Maurizio), отметив, что в современном мире происходит быстрый процесс преобразования «объекта / информации» в акт воспроизведения («recording act»), что предметы потребления («commodities») благодаря 3D-принтерам превращаются в «документ» (по способу производства), документы («documents») становятся предметами потребления («commodities»), как, например, Big Dates, а «финансовый капитал» оборачивается «капиталом документов» («documental capital»), поскольку неправильно документированные деньги — это уже не деньги, а пустое место. Концептуальные источники, обосновывающие тенденцию документализации, представлены Ф. Маурицио в статье «Документализация или Европа» (Maurizio, http://www.academia.edu/8347320/_Documentality_or_Europe). Профессор Маурицио показывает, что современный социальный объект (в том числе объект власти) преобразуется в «прописанный акт» («written act»), поскольку предметное поле деятельности должно быть законодательно прописано. В своем исследовании он опирается на идею Жака Деррида (Jacques Derrida) о том, что «записывание» («writing») является производной от «архива-письма» («archi-writing»), на идею Мишеля Фуко (Michel Foucault) о влиянии документализации («documentality») на управляемость («governmentality»). В целом эти глобальные процессы оснащения политико-административных процедур самыми различными техническими, социально-технологическими и киберинформационными приспособлениями документализации, будучи прочно соединенными с массовостью и унификацией конечных продуктов власти, предъявляют высокие «неполитические» требования к глобальной конкурентоспособности современных государств и их институтов власти. Анализ системы власти в России, российского политического транзита слабо изучен в этом аспекте, хотя отдельные фрагменты уже попали в поле зрения в связи с тенденциями «цифровизации» (Публичная политика..., 2018, с. 250–340). Поэтому далее рассмотрим наиболее важные методологические измерения индустриализации российской власти.

СОВЕТСКИЙ ЭТАП ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ

Мощная волна индустриализации бюрократии исполнительной власти, законотворчества, судопроизводства, других институтов политической системы поднялась в России в результате Октябрьской революции 1917 г. К 1930-м гг. сложились институции представительной системы «пролетарского государства», система исполнения решений, системы трибуналов и судопроизводства, государственная система хозяйственного управления промышленными предприятиями и учреждениями разных отраслей, система ВКПб/КПСС, которая структурно связывала «ветви» советской власти, учрежденные государством общественные организации для детей (пионерская организация), молодежи (ВЛКСМ), трудящихся (профсоюзы). Хорошо описанная в литературе «номен-

клатурная система» (Орех, 2002) политического управления одних граждан вовлекала в роли исполнителей и контролеров дисциплинарных заданий власти, других идейно дисциплинировала на их рабочих местах, третьих принуждала к своей дисциплине силой, четвертых лишала жизни или гражданства. Символом индустриальной мощи советской власти были октябрьские и первомайские демонстрации, они отражали сущность советской индустриальной технологии генерации власти: она осуществлялась за счет расточительного расходования ресурсов живого человеческого труда и времени жизни граждан. В своей высшей точке, в 1980-х гг., экономика хотела быть экономной, при этом задачи экономии живого труда и жизненного времени граждан, особенно в системе управления, где утвердилась норма о «ненормированности труда» (прежде всего в системе принуждения), не ставились. В приоритете был «ударный», «сверхплановый», «героический / подвижнический», «самоотверженный» живой труд. Амбициозные задачи строительства чего-либо решались за счет массивной мобилизации ручного труда (вспомним осенние сельхозработы горожан и т. п.). Ненормированность труда государственных служащих на номенклатурных должностях уравнивалась ранжированными привилегированными «социальными пакетами» и рисками карьерного провала.

По сравнению с царской системой управления кадрами на «государевой службе», советская государственная служба была более индустриализированной и систематизированной мегамашинной. К 1950-м гг. здесь сложилась индустриальная система подготовки кадров (вертикально интегрированная сеть высших партийных школ, система селекционной горизонтальной и вертикальной ротации кадров партийно-советской номенклатуры и претендентов на номенклатурные должности и пр.). Индустриальный масштаб касался и числа вовлеченных людей, и количества отраслевых направлений генерации дисциплинирующих воздействий (промышленность, социальная сфера, наука, инженерное дело, искусство), и географического пространства (евроазиатский континент).

На смену стихийному бунту царских времен — единственной на те времена форме прямого и массового участия народа в управлении государством — в СССР пришел конституционный принцип свободы слова, митингов и собраний¹, индустриальная технология реализации которого включала режим «праздничных демонстраций», режим участия в собраниях и митингах в качестве члена массовой общественной организации (с принципом демократического централизма) и ограниченный режим свободных митингов / собраний — от форматов «диссидентской кухни» 1970-х гг., «кружка неформалов» 1985–1990 гг. до массовых митингов в ситуации ГКЧП в 1991 г.

Советская индустриальная мегамашина власти оказалась неспособной переработать новые комбинации внешних и внутренних вызовов, отдельные крупные ее агрегаты (системы управления союзными республиками) деактивировались или начинали действовать «в противоход» центральным силовым агрегатам СССР. Расточительное отношение в СССР к массовому ручному неквалифицированному труду, к жизни-времени граждан, с одной стороны, от-

¹ Речь идет о статье 50 Конституции СССР, принятой в 1977 г.

сутствие ротационной технологии управления кадрами высшего эшелона власти, обострение экономических проблем, а также радикальное обострение политической конкуренции групп высшей политической элиты СССР — с другой, привели к распаду индустриальной мегамашины союзной власти.

РОССИЯ: ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Центральные блоки советской мегамашины власти достались России, в 1990-х гг. их работа по инерции обеспечила определенный потенциал устойчивости России (state capacity) не в форме «национального» (государство для русских), а в форме «гражданского» (многонационального) государства. Номенклатурная система политического управления была демонтирована, как и централизованное хозяйственное планирование. Началось внедрение системы «разделения властей», социальных технологий представительной демократии, технологий приватизации, рыночного регулирования экономики. Появился рынок политических партий, который стал стимулировать быстрое усвоение индустриальных методов мобилизации электоральных ресурсов общества на выборах депутатов разного уровня, мэров, губернаторов, сенаторов с применением как «белых», так и «черных» предвыборных технологий.

Советские технологии организации митингов и шествий реанимируются, делятся на «провластные» и «оппозиционные». К генерации оппозиционных форм подключаются иностранные сетевые мегамашины публичной политики, создавая таким образом новый индустриальный политический ландшафт. Его структура ложится как бы поверх границ государственного суверенитета России. Формируется поле отношений «внутреннее гражданское общество — государственная власть — глобальное гражданское общество».

Все практики взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с другими акторами, под которыми «понимаются, прежде всего, различные общественные организации или организации “третьего сектора”, которые часто обозначают как НКО... а также экспертное и академическое сообщество и бизнес-структуры», — вся эта тематика определяется понятием «публичная политика» (Сунгуров, 2015б, с. 150). Актуальные дефиниции подчеркивают также нацеленность публичной политики на общественное благо, интеграцию в ней бизнес-субъектов, ее причастность ко всем сферам деятельности общества, ее символическую оснащенность и др. (Публичная политика..., 2018, с. 15, 17). К этому добавим только то, что в поле публичной политики в отношениях с властями граждане (в том числе бизнесмены) выступают в качестве носителей общественных интересов, с которыми должны синхронизироваться, совпадать цели, приоритеты деятельности власти.

Теоретическая проблема этой дисциплинарной сферы отечественной политологии состоит в отсутствии целостного структурного определения контура всей этой предметной области, находящейся в стадии становления. В упомянутой обзорной статье А. Ю. Сунгурова такое структурное видение предлагается с опорой на концепты, наиболее часто используемые в эмпирических научных исследованиях. Он называет концепты Хэла Коулбача (Hal K. Colebatch)

(публичная политика — это «более или менее стабильные формы коллективной разработки политического курса»), Реда Роудса (Roderick A.W. Rhodes) (публичная политика — это «governance», межорганизационные сети, «придуманные государственными и социальными акторами»), Хуга Хекло (Hugh Heclo) Пола Сабатье (Paul A. Sabatier) (публичная политика — это «обучаемая политика» / policy learning, а также формулы взаимодействия «экспертного знания с политиками») (Сунгуров, 2015б, с. 145–147). Наше структурное видение этой предметной области несколько отличается от представленного выше. Оно опирается на строение базового политического процесса в публичной его части, т. е. в части, предполагающей массовое участие в нем граждан. В рамках этого подхода мы анализируем вектор структурного развертывания индустриальной мегамашины в поле российской публичной политики, выявляем агрегаты и технологии взаимодействия государства и граждан.

В свете этого подхода наблюдается поэтапное внедрение нескольких технологий индустриальной демократии. **Первый этап**, 1991–2005 гг., был ознаменован внедрением индустриальных технологий *представительной демократии* (региональная многопартийность, электоральная конкуренция, альтернативные выборы, прозрачность процедуры голосования и подведения итогов). Российская политическая наука активно осваивала как теоретические источники классической теории демократии, так и отечественные практики их внедрения на разных уровнях политического управления (федеральном, региональном, муниципальном). Индустриальный характер мегамашины представительной демократии проявляется прежде всего количественно, массовостью «человеческого материала», который в ней дисциплинируется и обрабатывается: миллионы избирателей, тысячи партийных функционеров, пропагандистов, аналитиков и журналистов, сотни претендентов на выборные должности и мандаты «представителей народа». Качественные характеристики были не столь впечатляющими, поскольку ряд ключевых операций избирательного процесса оставался на уровне «ручного труда». Это касалось прежде всего системы контроля за голосованием, первичного подсчета голосов, логистики движения документов, устанавливающих итоги голосования (первичные и иные протоколы), которые были непрозрачны, подвержены манипулятивному вмешательству, искажали истинные результаты волеизъявления. Введенные с 2005 г. меры по ограничению практик применения механизмов представительной демократии (отмена выборов губернаторов, одномандатных округов и др.) вкуче с атехнологичными агрегатами системы выборов оценивались исследователями как показатель свертывания демократических преобразований и утверждения несоревновательного политического режима (“noncompetitive political regime”), действующего в интересах монополюс доминирующего актора (Gel'man, 2008, p. 176).

Такая оценка требует корректировки, поскольку в этот же период принимается система нормативных актов, которые направлены на внедрение механизмов другой индустриальной демократической технологии — системы *совещательной демократии* (McLaverty, Halpin, 2008). Эти технологии организации массового политического поведения были отражены в федеральном законе о принципах организации системы российского местного самоуправле-

ния². К их числу относятся алгоритмы проведения местного референдума, голосования по территориальным вопросам, сходов граждан, публичных слушаний, собраний, конференций, опросов граждан. С 2005 г. ведет свою историю и такой институт индустриальной генерации совещательной демократии, как Общественная палата. Поэтому есть все основания связывать с 2005 г. не остановку демократического транзита, а **второй его этап** — этап внедрения индустриальных технологий совещательной демократии, который длился до 2017 г. С 2012 г. происходило внедрение еще одного компонента публичных совещательных мегамашин — системы общественных советов при федеральных и региональных министерствах и ведомствах³. На уровне Правительства РФ начинает работать система Открытого (большого) правительства. Далее открывается перспектива «электронной демократии», проблемы которой частично изучены западными исследователями (Мараваль, 2013).

В ответ на постэлекторальный политический кризис декабря 2011 г. были приняты государственные решения по возвращению технологии прямых выборов губернаторов, одномандатных округов на выборах депутатов разного уровня, упрощен порядок регистрации политических партий и др. способы стимулирования политического рынка. Применение технологий генерации оппозиционных митингов и шествий было ограничено новыми мерами сдерживания участия иностранных мегамашин публичной политики в российском политическом процессе.

На заключительном отрезке второго этапа индустриальной демократической модернизации публичной власти (2012–2017) наблюдается параллельная активность механизмов и представительной, и совещательной демократии. После 2012 г. вектор индустриализации первых связан с массовым внедрением киберинформационных систем в процедурные схемы контроля процессов голосования, подсчета голосов, обработки жалоб и претензий, возникавших в ходе выборов. Индустриальное качество мегамашины совещательной демократии оставляет желать лучшего прежде всего потому, что форматы общественных слушаний и т. п. очных встреч представителей власти с гражданами массово приспособлялись для решения задач, противоположных нормативно вмененным (слушания «для галочки»), а общественные советы и общественные палаты воспроизводили малопродуктивные архаические форматы круглых столов или обменов мнений, вклад которых в синхронизацию деятельности власти и гражданского общества критически мал (Сунгуров, 2015а).

Третий этап индустриализации российской публичной политики стартует с президентскими выборами 2018 г., когда начинается активная фаза внедрения технологий *партиципаторной демократии* / демократии участия (СанOFF, 2015; Coelho, Waisbich, <http://paperity.org/p/82098293/participatory-mechanisms-and-inequality-reduction-searching-for-plausible-relations>; Su, 2017). Отдельные

² Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № ФЗ-131.

³ Указ Президента Российской Федерации «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» от 7 мая 2012 г. № 601.

компоненты технологий массового проектного гражданского участия действовали и ранее (в сфере научной деятельности — с середины 1990-х гг., в сфере региональной поддержки общественных инициатив — с 2010-х гг.), но массированное их внедрение в публичную политику связано с рубежом 2017–2018 гг., когда создается и начинает действовать Фонд президентских грантов, начинается реализация государственного приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды».

Индустриальный потенциал технологий партисипаторной демократии существенно выше, чем потенциал технологий демократии представительной, прежде всего потому, что а) демократия участия предполагает механизмы непрерывного партнерства граждан / НКО и институтов власти в рамках совместной проектной деятельности; б) непрерывное участие граждан / НКО в партнерских проектах и программах обеспечивает постоянную прозрачность, позволяет вести непрерывный гражданский контроль основных проектных процедур; в) в форматах проектного партнерства происходит индустриально-методичная синхронизация политических культур власти и граждан, «властного» и «гражданского» языков публичной политики; г) массовое использование механизмов партнерского участия создает новые мощности по производству общественно значимых благ «шаговой доступности» по всей территории России; д) при этом происходит массовое вступление граждан «в права» стратегического соучастного проектирования и генерации местной и региональной публичной политики.

В настоящее время, таким образом, в мегамашину власти России встроены три вида индустриальных демократических технологий: технологии представительной, совещательной и партисипаторной демократии. Качество, эффективность внедрения неоднозначны и являются предметом дискуссий. Важно также подчеркнуть, что названные технологии не совпадают своими границами с триадой «исполнительная — законодательная — судебная власть», но формируют специфические кластеры публичной политики, в каждом из которых складываются свои особенные каналы индустриальной прямой и обратной связи в системе «власть — гражданское общество», свои социальные институты, социальные порядки и социальные акторы. Гражданское общество в одном кластере публичной политики выступает как «избиратель», в другом — как «советник», в третьем — как «партнер». Каждая из трех технологических миссий запрашивает у гражданина различные компоненты гражданских компетенций, культуры и мотивации. Власть также диверсифицируется, интегрируясь в разные кластеры публичной политики разными компетенциями и режимами взаимодействия с гражданами. В одном случае она становится «представителем избирателей», в другой — «акцептором совещательного аутсорсинга», в третьем — «партнером общей проектной деятельности». Каждая из трех технологий организации публичной политики обладает индивидуальным потенциалом индустриализации публичной власти. Достигнутый уровень развернутости и полезного использования возможностей по каждой — кратко это показано выше — различен. Рассмотреть эти потенциалы и различия более детально — задача дальнейших исследований и актуальная область развития нашей политической науки.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ВЛАСТИ

Если в сфере публичной политики чиновники взаимодействуют с гражданами как с носителями определенных общественных интересов, то за пределами этой сферы они заняты совсем другими делами. Прежде всего они взаимодействуют с другими чиновниками внутри системы власти, по всем ее ветвям и по всем ее уровням. Это сфера государственного администрирования, работа государственной бюрократии как таковой. Индустриализация данной сферы деятельности власти имеет принципиальное значение, потому что в России государство является ключевым генератором социально-политического порядка и упорядоченной активности в стране. Быстродействие, мощность и точность работы этой мегамашины определяют скорость и результативность множества социально-экономических процессов и жизненных циклов. Если государственная административная мегамашина замедляется, то и социально-экономическая динамика замедляется; если государственная административная мегамашина ускоряется и работает с большей точностью, то и социально-экономическая динамика ускоряется.

Первая фаза индустриализации государственного аппарата России состояла в первичной компьютеризации рабочего места чиновника. К 2000 г. этот процесс в основном закончился, образ «столоначальника», сидящего за массивным столом с чернильным прибором, кипой бумаг и пресс-папье, уступил место образу компьютеризированного рабочего места, оснащенного стандартным набором оргтехники. В 2004–2011 гг. происходили активное внедрение новых индустриальных методов вертикально-центрированной системы сбора налогов, новых, более технологичных регламентов административной деятельности (федеральная административная реформа), реализации проектных технологий государственного планирования и межбюджетного финансирования (первое трио национальных проектов 2005 г.), создание локальных ведомственных информационных сетей для продвижения технологий электронного документооборота и пр. К настоящему времени завершаются процессы внедрения технологий межведомственного обмена электронными базами данных и документами, формируются цифровые архивы, контуры кибербезопасности данных и одновременно контуры «открытых данных» по всем ветвям и уровням государственной бюрократии.

Индустриализация бюрократии создает совершенно новый объект политологии — кибербюрократию, объект, который требует, чтобы исследователь / исследовательская группа обладали и компетенциями программиста, и традиционными компетенциями политолога. В России один из аспектов этой предметной области уже сейчас вызывает серьезный интерес. Это область электронных государственных закупок, в которой сложился крутой замес информационно-технологических новационных внедрений и вполне традиционных интересов лоббистских групп, стремящихся получить монопольный доступ к большим деньгам государственного бюджета. Актуальность исследования этой новой предметной области обусловлена в нашей ситуации тем, что внедрение информационных технологий часто приводит к появлению обратных

эффектов: к замедлению процессов вместо их ускорения, к снижению точности управленческих решений вместо ее повышения. Аномальное поведение киберинформационных систем указывает на вмешательство классического / архаического политического фактора, который и должна научиться распознавать новая дисциплина политической науки — киберполитология.

Кибериндустриализация административной системы оказывает сильное влияние на административную культуру российской власти. Информационные технологии предъявляют новые требования рациональной / научной организации бюрократического труда. Появились новые единицы измерения трудовых операций бюрократа: «клик (мышки)», «клик клавиши», «байт», «знак (текста)» и пр. На этих единицах строятся расчеты производительности киберсистем и кибертехнологий. На них же должны строиться и расчеты производительности труда современного бюрократа, с этими киберсистемами работающего. Практики администрирования в России показывают, однако, что до такой синхронии еще далеко. Показательны все централизованные кампании по сокращению чиновников последних пяти лет: всем приказывается сократиться на 5 или 10%. Расчеты ведутся от стремления сократить бюджетные расходы. Это один из мотивов политики укрупнения муниципалитетов в 2016–2018 гг., где сокращение ряда должностей рассматривается как отчетный результат. Но при этом никаких расчетов производительной мощности, качества, быстродействия новых институций власти не производится. В результате в кабинете с новой вывеской продолжают действовать архаичные управленческие технологии («ручное управление»), слабо синхронизирующиеся с нововнедренными информационными технологиями. Другими словами, качество административной культуры существенно отстает — особенно это заметно в провинциальных администрациях — от того, что требуется для полноценной результативной работы информационных технологий. Электронные нововведения не приводят к повышению эффективности и качества процессов принятия решений.

Цифровые коммуникации в разы увеличили поток документооборота, проходящего через рабочее место чиновника низовых (региональных и муниципальных) этажей российской административной мегамашины. При этом его способности «читать» и «печатать» (тексты) остались теми же, что были раньше. Простой расчет, учитывающий, что ординарный чиновник набирает тексты со скоростью примерно два знака в секунду, позволяет понять, что за восемь часов рабочего времени он может напечатать текст объемом 57 600 знаков (с пробелами) или примерно 25 страниц текста формата А4. А что происходит, если объем документов, который надо генерировать на этом рабочем месте, составляет 120 000 знаков или больше? Принимая во внимание, что у чиновника есть еще поток входящих документов, которые надо читать (обычная скорость чтения — примерно 1 страница формата А4 в минуту), телефонные звонки, на которые надо отвечать, оперативные поручения начальника, которые надо выполнить срочно, и пр., — принимая все это во внимание, напрашивается один ответ: формируется накапливающееся неуспевание, отставание от потока запросов. Первое время это может компенсироваться растягиванием рабочего времени до 9, 10, 11 часов. Но «героический» труд не дает догоняющего эффекта. На

следующей фазе отставания начинается «текучка кадров», объем недоделок на одного оставшегося чиновника увеличивается еще в два–три раза. На третьей фазе создается образ местной государственной / муниципальной службы как плохого работодателя, дефицит кадров специалистов и главных специалистов становится хроническим, резко падает производительность даже старых форм организации труда. Учтем еще и то, что разница оплаты труда между начальниками и основными «лошадками» (специалистами, главными специалистами) на государственной службе трех-четырёх-пятикратная. Проблема «отставания» частично могла бы решаться, если бы чиновников обучали скоростному чтению и скоростному ручному вводу данных (профессиональной машинописи), но этого нет. Проблема могла бы решаться более кардинально, если бы практики ручного ввода данных вообще были бы сведены к минимуму. Для этого надо внедрять программы «голосового ввода», «программы-стенографисты» (синхронное стенографирование с голоса), голосовых помощников и пр. на самый низовой уровень бюрократии. Но этого тоже нет.

Текущая российская ситуация в этой сфере приближается в настоящее время к третьей стадии, когда наблюдаются снижение интереса к государственной / муниципальной службе как к работодателю, растущий дефицит кадров низовых звеньев. Мегамашина государственного администрирования на низовых этажах тормозится хроническими «недоделками» и отставанием от актуальных запросов, в то время как на верхних этажах федеральной политики командуют «Россия вперед» и готовятся к «экономическому прыжку». Проблема политического транзита российской системы государственного администрирования сводится к тому, что индустриальные внедрения недостаточно системны, они не модернизируют физическую деятельность самой массовой низовой и провинциальной бюрократии, которая пытается справиться с проблемами советскими приемами «ударного» ручного труда, консервирует хроническое отставание от реальности, скрывает действительное положение дел от своих начальников и тем самым, с уверенностью в эти свои «благие намерения», незаметно для себя готовит громадьё федеральных планов серьезный провал.

Особая миссия местных уровней государственного администрирования (по всем ветвям власти), с одной стороны, состоит в том, что именно они завершают многоуровневую синхронизацию государственных программ и проектов с запросами жителей конкретных городов и деревень. С другой — в том, чтобы на конечном отрезке административного «конвейера» обеспечить превращение бюджетных денег в конкретные объемы и качество потребительных стоимостей. Если местная бюрократия не может оперативно синхронизировать целевые приоритеты своей деятельности с «чаяниями жителей», это ведет к провалу всей государственной программы. Если местная бюрократия мало-мощная, медленная и безразличная, то переработать получаемые федеральные трансферты в нужные объемы и в нужное качество потребительных стоимостей (общественных благ) она не в состоянии. Это тоже ведет к провалу всей соответствующей государственной программы.

Российская индустриализация государственной административной власти достигла драматического и тревожного состояния: административная культура

верхних и низовых уровней не синхронизирована, нижние уровни хронически отстают в обработке и локальной регенерации идущих из центра потоков дисциплинирующих заданий. Решение проблемы требует не «политических», а социально-технологических решений, хотя для признания, осознания самой проблемы и проектирования решений, безусловно, необходима политическая воля. Простыми перевыборами той или иной legislatures, того или иного губернатора проблемы индустриализации этого сегмента власти не решаются. Здесь требуется работа специализированных структур, занимающихся научной организацией, инжинирингом бюрократического труда, прежде всего низовых уровней администрирования, проектированием и внедрением процедур, навыков, киберсистем, которые позволят максимально экономно расходовать ручной труд, обеспечить окончательное расставание с советской эпохой «ненормированности» труда чиновника.

Успешный пример индустриального решения такого комплекса задач представляют системы документооборота, «завязанные» на многофункциональные центры (МФЦ). Это новый кластер государственного администрирования, который в настоящее время выделяется в отдельную сферу политики — производство государственных и муниципальных услуг (речь об административных услугах). Особенность этой сферы в том, что чиновник (теперь это оператор МФЦ) взаимодействует с гражданином, который выступает в новом качестве — «клиента», получателя услуги (не путать с ролью «носителя общественного интереса», которую гражданин реализует, взаимодействуя с государством в сфере публичной политики). МФЦ генерируют мощный индустриальный документооборот, трек которого проходит по обрабатывающим агрегатам внутри системы государственного администрирования (в том числе по разным ветвям власти) и возвращается в МФЦ для выдачи конечного документа-услуги клиенту. Эта находящаяся в стадии становления сфера государственной политики более активно (в сравнении с чистой бюрократией) влияет на социальное самочувствие граждан. Конечная потребительная стоимость здесь имеет вид конкретных документов-услуг, которые могут быть предоставлены в срок или с просрочкой, могут быть сделаны без ошибок или с ошибками, могут быть получены «без очереди» или через многочасовое «выстаивание». Поэтому массовые сбои в работе МФЦ могут порождать массовое же социальное недовольство, повышать «градус» публичной политики. И наоборот. Дальнейшее развитие сектора государственных и муниципальных услуг в качестве самостоятельной сферы индустриализации власти должно вести к оформлению его в качестве государственной «публичной организации», обслуживающей свой сегмент местных рынков услуг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Индустриализация российской власти является элементом глобальной эпохи. Наши особенности этого процесса связаны с практиками внедрения в систему власти различных технологий генерации потоков дисциплинирующих влияний, вносящих свой вклад в поддержание и совершенствование социаль-

ного порядка на суверенной территории России. Рассматривая систему власти как мегамашину, мы выделяем три сферы политической жизни, в которых реализуются различные индустриальные технологии, а «чиновник» и «гражданин» взаимодействуют, принимая на себя различные социально-политические роли. *Сфера публичной политики:* здесь «чиновник» встречается с гражданином как с носителем общественного интереса, который должен быть «внесен» в процесс принятия политических решений. В сфере российской публичной политики внедряются индустриальные технологии представительной, совещательной и партисипаторной демократии, что приводит к существенной внутренней диверсификации сферы публичной политики и требует активного дальнейшего исследования. *Сфера государственного администрирования:* здесь «чиновник» взаимодействует с другими «чиновниками», исполняющими те или иные должностные полномочия. В этой сфере индустриализации российской власти, с одной стороны, активно внедряются информационные технологии и киберсистемы, но, с другой стороны, наблюдается отставание с внедрением бережливых технологий организации трудовых операций, исключая архаические ручные виды работ. Соответственно, здесь же наблюдается и требует детального изучения проблема разрыва технологического качества верховных и низовых уровней государственного и муниципального администрирования. Отсутствие индустриальной технологической синхронизации верховных и низовых уровней бюрократии грозит провалами амбициозным и масштабным проектам и программам федеральной власти. Наконец, *сфера производства государственных и муниципальных услуг* только-только отделяется от системы государственной бюрократии. Здесь гражданин приходит к «чиновнику» в новой роли — теперь он «клиент», которому требуется конкретная административная услуга. В этой сфере внедряются индустриальные технологии документооборота, режимы и приоритеты которых ориентируются на динамику спроса на соответствующих рынках местных услуг. Основной вектор развития этого направления индустриализации власти, который требует исследовательского внимания политологов, ведет эту сферу к формату «публичной организации». Взятые все вместе названные сферы образуют поле российской политической индустриализации, которое слабо освоено отечественной политологией, и внимание к нему, возможно, побудит к созданию нового дисциплинарного ответвления нашей политической науки.

Литература

Андреев Ю. А. Мужские племенные союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб.: Алетей, 2004. 336 с.

Дахин А. В. Политические эпохи: к вопросу об историческом месте политической современности // Вестник НИУ РАНХиГС. Электронный научный журнал. 2017а. Вып. 3 (44). С. 49–55.

Дахин А. В. Пространство организационной памяти // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительный альманах. Вып. 5. М.: Институт наследия им. Д. С. Лихачева, 2008. С. 270–272.

Дахин А. В. Российская политика в свете смены политических эпох // Социальное время. 2017б. № 3 (11). С. 97–112.

Дахин А. В. Смена высших политических команд в России: Анализ одной политологической гипотезы // Политическая наука. 2012. № 1. С. 69–80.

Дахин А. В. Транзит российской политической власти на рубеже 2008 г.: Особенности политического управления (методология анализа) // Политическая наука. 2009. № 2. С. 8–26.

Дахин А. В., Семенов Е. Е., Стрелков Д. Г. Нижегородская область в ситуации конфликта элит: основные тенденции, прогнозные гипотезы, оценки // Региональная политика 2016: Сб. статей и аналитических докладов / под ред. Д. Орлова. М.: Грифон, 2017. С. 235–244.

Зарубежнов Е. С. Формы проявления государственного капитализма в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 2 (350). Экономика. Вып. 47. С. 55–60.

Ковалев В. А. Наша фантастическая политика. Социально-политические утопии в современной фантастике: Россия между прошлым и будущим. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный ун-т, 2014. 172 с.

Ковалев В. А. Свободные темы. Эссе — Заметки — Дневник читателя. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный ун-т, 2015. 302 с.

Кочетков А. П. Национальное государство в условиях глобализации // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 95–109. (Сер. «Российская политическая наука: История и перспективы» / ред. О. В. Гаман-Голутвина).

Кутырев В. Время Mortido. СПб.: Алетейя, 2012. 336 с.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. М.: Политиздат, 1986. 610 с.

Мазур А. Неофеодализм в России // Тайга Инфо. 26 ноября 2009. URL: <http://tayga.info/94484> (дата обращения: 20.03.2019).

Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / пер. с англ. Т. Азарковича, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 416 с.

Мараваль Х. М. Недостатки электоральных демократий // Демократия в российском зеркале / ред.-сост. А. М. Мигранян, А. Пшеворский. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 245–265.

Мэмфорд Л. Миф машины // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы / сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. С. 79–97.

Орех Е. А. Становление номенклатурного механизма рекрутирования в СССР: социологический анализ // Власть и элиты в современной России / под ред. А. В. Дуки. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2002. С. 138–153.

Пасскуино П. Демократия: Античная и современная // Демократия в российском зеркале / ред.-сост. А. М. Мигранян, А. Пшеворский. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 185–210.

Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2018. 349 с.

Рогов К. Политические циклы постсоветского транзита // Pro et Contra. 2012. Июль-октябрь. С. 6–32.

Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов / пер. с англ.; ред. Н. Снигирева, Д. Смирнов. Вологда: Проектная группа 8, 2015. 170 с.

Сморгунов Л. В. Трансформация политического в сетевом пространстве // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 63–76. (Сер. «Российская политическая наука: История и перспективы» / ред. О. В. Гаман-Голутвина).

Сунгуров А. Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: РОССПЭН, 2015а. 383 с.

Сунгуров А. Ю. Публичная политика // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект-Пресс, 2015б. С. 143–157. (Сер. «Российская политическая наука: История и перспективы» / ред. О. В. Гаман-Голутвина).

Сурков В. Долгое государство Путина // Новая газета. 11.02.2019. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения: 20.03.2019).

Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / пер. с англ. В. В. Белокоосова и др. М.: АСТ, 2003. 669 с.

Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 776 с.

Туровский Р. Поможет ли государственный капитализм российским регионам? // Политком.RU. 30.01.2015. URL: <http://politcom.ru/18532.html> (дата обращения: 20.03.2019).

Фукуяма Ф. Великий разрыв / пер. с англ. А. В. Александровой. М.: АСТ, 2003. 474 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2016. 571 с.

Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры / пер. с англ. Ю. Гольдбега. М.: Столица-Принт, 2008. 367 с.

Coelho V. S. R. P., Waisbich L. Participatory mechanisms and inequality reduction: searching for plausible relations // Public Deliberation. 2016. Vol. 12 (2). Article 13. URL: <http://paperity.org/p/82098293/participatory-mechanisms-and-inequality-reduction-searching-for-plausible-relations> (дата обращения: 20.03.2019).

Ferraris M. Documentality, or Europe. URL: http://www.academia.edu/8347320/_Documentality_or_Europe (дата обращения: 20.03.2019).

Gel'man V. Jut of the Frying Pan, into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective // International Political Science Review. 2008. Vol. 29, N 2. P. 157–180.

McLavery P., Darren H. Deliberative Drift: The Emergence of Deliberation in the Policy Process // International Political Science Review. 2008. Vol. 29, N 2. P. 197–214.

Su C. From Porto Alegre to New York City: participatory budgeting and democracy // Political Science. 2017. N 39 (1). P. 67–75.

Дахин Андрей Васильевич — д-р филос. наук, проф.; nn9222@rambler.ru

Статья поступила в редакцию: 22 марта 2019 г.;

рекомендована к печати: 25 июня 2019 г.

Для цитирования: Дахин А. В. «Индустриализация власти»: российский политический транзит в социально-технологическом измерении // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 4. С. 460–482. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.402>

“INDUSTRIALIZATION OF POWER”: RUSSIAN POLITICAL TRANSIT IN SOCIO-TECHNOLOGICAL DIMENSION

Andrey V. Dakhin

Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of RANEPА,
46, pr. Gagarina, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; nn9222@rambler.ru

Industrialization of state power is described as a global trend marked by “documentalization” and “governmentalization”. Russia’s political transit is discussed as a process of implementing industrial technologies into the state system’s activity. In accordance with L. Mumford’s ideas, the political system is described in terms of industrial “megamachine” which generates flows of disciplinary orders. They cover all fields of activity of state power and interactions between the state and the civil society. An analysis Russia state power’s practices of industrialization provides for critical rethinking of popular conceptual approaches and identifying the field of public policy as a space where three social technologies of political interactions between the state and the citizens are implemented. In the light of this approach Russia’s democracy transit is viewed as the consecutive implementation into the public policy, first, of technology of representative democracy (in the 1990s), then of technology of deliberation democracy (since 2012), and of technology of participatory democracy (since 2018). It allows to highlight various aspects of these implementation processes, including some risks with objectionable contradictions between these different technologies, and it was important to emphasize the efforts towards harmonization. Putting cy-

ber-informational technologies into practice in the state administrative policy leads towards industrialization of velocity, capacity and structure for gathering data. The gap between elementary labour operations of ordinary officials and regimes of optimal use of cyber-informational systems of the state bureaucracy is also noted. In conclusion, the author focuses on the area of state and municipal services, where the trend of industrialization of documents elaboration is in progress.

Keywords: Russia, industrialization of state power, megamachine, technologies of public policy, technologies of state administration, technologies of state and municipal services making.

References

- Andreev U. A. *Male tribe unities in Doric state-cities (Sparta and Crete)*. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2004. 336 p. (In Russian)
- Coelho V. S. R. P., Waisbich L. Participatory mechanisms and inequality reduction: searching for plausible relations. *Public Deliberation*, 2016, vol. 12 (2). Article 13. Available at: <http://paperity.org/p/82098293/participatory-mechanisms-and-inequality-reduction-searching-for-plausible-relations> (accessed: 20.03.2019).
- Dakhin A. V. Landscape of Organizational Memory. *Gumanitarnaia geografiia. Nauchnyi i kul'turno-prosvetitel'skii al'manakh*. Moscow, Heritage Institute named by D. S. Likhachev Publ., 2008, vol. 5, pp. 270–272. (In Russian)
- Dakhin A. V. Political Epochs: on Aspects of Political Modernity's Stage of Global History. *Vestnik NIU RANKhiGS. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2017, is. 3 (44), pp. 49–55. (In Russian)
- Dakhin A. V. Rotation of the Highest Political Teams in Russia: Analysis of the Single Hypothesis. *Politicheskaiia nauka*, 2002, no. 1, pp. 69–80. (In Russian)
- Dakhin A. V. Russia Political Power's Transit on the Line of 2008: Features of Political Management (Methodology of Analysis). *Politicheskaiia nauka*, 2009, no. 2, pp. 8–26. (In Russian)
- Dakhin A. V. Russian Political System in a Situation of Change of Political Eras. *Sotsial'noe vremia*, 2017, no. 3 (11), pp. 97–112. (In Russian)
- Dakhin A. V., Semenov E. E., Strelkov D. G. Nizhegorodsky Region in the Context of Political Elite's Conflict: Main Trends, Prospective Hypothesizes, Appraisals. *Regional'naia politika 2016: Sbornik statei i analiticheskikh dokladov*, ed. by D. Orlov. Moscow, Grifon Publ., 2017, pp. 235–244. (In Russian)
- Ferraris M. *Documentality, or Europe*. Available at: http://www.academia.edu/8347320/_Documentality_or_Europe (accessed: 20.03.2019).
- Fukuyama F. *The Grate Gap*. Rus. Ed., trans. by A. V. Aleksandrova. Moscow, AST Publ., 2003. 474 p. (In Russian)
- Gel'man V. Jut of the Frying Pan, into the Fire? Post-Soviet Regime Changes in Comparative Perspective. *International Political Science Review*, 2008, vol. 29, no. 2, pp. 157–180.
- Huntington S. *The Clash of Civilizations*. Rus. Ed., trans. by T. Velimeev. Moscow, AST Publ., 2016. 671 p. (In Russian)
- Kochetkov A. P. A National State in the Global Conditions. *Rossiiskaia politicheskaiia nauka: Idei, kontseptcii, metody*, ed. by L. V. Smorgunov. (Ser. "Russia Political Science: History and Perspectives", ed. O. V. Gaman-Golutvina). Moscow, Aspekt Press Publ., 2015, pp. 95–109. (In Russian)
- Kovalev V. A. *Domestic Fantastic Politics. Modern Fantasy about Socio-Economics Utopia: Russia between Past and Future*. Syktyvkar, Syktyvkarskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2014. 172 p. (In Russian)
- Kovalev V. *Free Topics. Essay – Notes – Reader's Daybook*. Syktyvkar, Syktyvkarskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2015. 302 p. (In Russian)
- Kutyrev V. *The Time of Mortido*. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2012. 226 p. (In Russian)
- Lenin V. I. *Advertising of Capitalism in Russia. Process of Appearance of Domestic Market for Large-scale Industry*. Moscow, Politizdat Publ., 1968. 610 p. (In Russian)
- Maravall J. M. Defects of Electoral Democracies. *Demokratiia v rossiiskom zerkale*, ed. by A. M. Migranian, A. Pshevorskii. Moscow, MGIMO-University Publ., 2013, pp. 245–265. (In Russian)

- Mazur A. Neo-feudalism in Russia. *Taiga Info*. November, 26. 2009. Available at: <http://tayga.info/94484> (accessed: 20.03.2019). (In Russian)
- McLaverly P., Darren H. Deliberative Drift: The Emergence of Deliberation in the Policy Process. *International Political Science Review*, 2008, vol. 29, no. 2, pp. 197–214.
- Mumford L. The Myth of the Machine. *Utopiia i utopicheskoe myshlenie. Antologiya zarubezhnoi literatury*. Rus. Ed., ed. comp. and foreword by V.A.Chalikova. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 79–97. (In Russian)
- Mumford L. *The Myth of the Machine. Technics and Human Development*. Rus. Ed., trans. by T.Azarkovich, B. Skuratov. Moscow, Logos Publ., 2001. 416 p. (In Russian)
- Orekh E. A. Building of Nomenklatura's Mechanism of Recruitment in USSR: Sociological Analysis. *Vlast' i elity v sovremennoi Rossii*, ed. by A.V.Duka. St. Petersburg, Sotsiologicheskoe obshchestvo im. M. M. Kovalevskogo Publ., 2002, pp. 138–153. (In Russian)
- Passkuino P. Democracy: Ancient and Modern. *Demokratiiia v rossiiskom zerkale*, ed. by A. M. Migranian, A. Pshevorcky. Moscow, MGIMO-University Publ., 2013, pp. 185–210. (In Russian)
- Public Policy: Institutions, Digitalization, Progress*, ed. by Smorgunov L.V. Moscow, Aspect-Press. 2018. 349 p. (In Russian)
- Rogov K. Political Cycles of Post-Soviet Transit. *Pro et Contra*, 2012, June-October, pp. 6–32. (In Russian)
- Sanoff G. *Democratic Design Case Studies in Urban and Small Town Environments*. Rus. Ed., trans by N. Snigireva, D. Smirnov. Vologda, Proektnaia gruppa 8 Publ., 2015. 170 p. (In Russian)
- Shliapentokh V. *Contemporary Russia as a Feudal Society. A New Perspective on the Post-Soviet Era*. Rus. Ed., trans. by U. Goldberg. Moscow, Stolitsa-Print Publ., 2008. 367 p. (In Russian)
- Smorgunov L.V. Transformations of Politics in a Network Space. *Rossiiskaia politicheskaiia nauka: Idei, kontseptsii, metody*, ed. by L.V.Smorgunov (Ser. "Russian Political Science: History and Perspectives", ed. O.V.Gaman-Golutvina). Moscow, Aspekt Press Publ., 2015, pp. 63–76. (In Russian)
- Su C. From Porto Alegre to New York City: participatory budgeting and democracy. *Political Science*, 2017, no. 39 (1), pp. 67–75.
- Sungurov A. lu. *How Political Innovations are Appearing: "Think Tanks" and Other Institutions for Mediation*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2015a. 338 p. (In Russian)
- Sungurov A. lu. Public Policy. *Strukturnye transformatsii i razvitie otechestvennykh shkol politologii*, ed. by O.V.Gaman-Golutvina. Moscow: Aspekt Press Publ., 2015b, pp. 143–157. (In Russian)
- Surkov V. Prolonged Putin's State. *Novaia gazeta*, 11.02.2019. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (accessed: 20.03.2019). (In Russian)
- Toffler A. *Power Shift. Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century*. Rus. Ed., trans by V.V.Belokoskov and other. Moscow, AST Publ., 2003. 699 p. (In Russian)
- Toffler A. *The Third Wave*. Rus. Ed. Moscow, AST Publ., 2002. 776 p. (In Russian)
- Turovsky R. Can the State Capitalism Help to Russia Regions? *Politcom.RU*, 30.01.2015. Available at: <http://politcom.ru/18532html> (accessed: 20.03.2019). (In Russian)
- Zarubezhnov E. S. Emergence Forms of the State Capitalism in Contemporary Russia. *Vestnik Cheliabenskogo gosudarstvennogo uniuersiteta*, 2014, no. 2 (350). Economics, vol. 47, pp. 55–60. (In Russian)

Received: March 22, 2019

Accepted: June 25, 2019

For citation: Dakhin A.V. "Industrialization of Power": Russian Political Transit in Socio-Technological Dimension. *Political Expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 460–482. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2019.402> (In Russian)